

ЕДИНСТВЕННЫЙ.

Утопія.

Это былъ несомнѣнно самый простодушный помпадуръ въ цѣломъ мірѣ.

Природа создала его въ одну изъ тѣхъ минутъ благодатной тишины, когда изъ материнскаго ея лона на всѣхъ льется миръ и благоволеніе. Въ эти краткія мгновенія во множествѣ рождаются на свѣтъ люди не весьма прозорливые, но скромные и добрые—рождаются, и, къ сожалѣнію, во множествѣ же и умираютъ... Но умныя муниципіи подстерегаютъ уцѣлѣвшихъ и, по достиженіи ими законнаго возраста, ходатайствуютъ объ нихъ передъ начальствомъ. И современемъ, пользуются плодами своей прозорливости, то-есть бываютъ счастливы.

Увы! съ каждымъ днемъ подобныя минуты становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Нынче и природа дѣлается словно озлобленною и все творитъ помпадуровъ не умныхъ, но злыхъ. Злые и неумные, они мечутся изъ угла въ уголъ и въ безумной рѣзвости скачутъ по доламъ и по горамъ, воздымая прахъ земли и наполняя имъ вселенную. Съ чего рѣзвятся? надъ кѣмъ и надъ чѣмъ празднуютъ побѣду?

Но этотъ помпадуръ, даже среди необыкновенныхъ, былъ самый необыкновенный. Начальственнаго любомудрія не было въ немъ нисколько. Во время прогулокъ, когда прохожіе снимали передъ нимъ шапки, онъ краснѣлъ; когда же усматривалъ, что часовой на тюремной гауцтвахтѣ, завидѣвъ его, готовится дернуть за звонокъ, то мысленно желалъ провалиться сквозь землю и немедленно сворачивалъ куда-нибудь въ сторону.

— Не люблю я этихъ выбѣганій! говорилъ онъ: — прибѣгутъ какъ шальные, выпучать глаза, ружьями кидать начнутъ,—что хорошаго!

Даже съ квартальными онъ позволялъ себѣ быть простодуш-

нымъ. Не допускалъ, чтобы квартальный ожесточалъ обывателя, но скорбѣлъ, когда и обыватель забывалъ о квартальномъ.

— Квартальный, говорилъ онъ:—*всепременно* долженъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ, обыватель же все сіе воленъ исполнить по мѣрѣ возможности. Ежели онъ и не очень сытъ, то съ него не взыщется!

Слѣдуя этому административному принципу, онъ вникалъ во всѣ подробности домашней жизни квартальныхъ. Справлялся, сытно ли они ѣдятъ, мирно ли живутъ съ женами, и когда который-нибудь изъ нихъ долго не звалъ его на крестины, то дѣлалъ выговоры и внушенія.

— Нехорошо, братецъ; значить, ты на службѣ черезъ мѣру яришься! А я тебѣ вотъ что скажу: служба службой, а жену запускать не слѣдуетъ. Эта вещь—все равно, что огородъ: потолъ цвѣтеть, поколь ухоть есть.

Ни наукъ, ни искусствъ онъ не зналъ; но если попадалась подъ руку книжка съ картинками, то разсматривалъ ее съ удовольствіемъ. Въ особенности нравилась ему повѣсть о походе-ніяхъ Робинзона Крузо на необитаемомъ островѣ (къ счастью, изданная съ картинками).

— Эту книгу, выражался онъ:—всякій русскій человѣкъ у себя на столѣ безсмѣнно держать долженъ. Потому, кто можетъ зараньше опредѣлить, на какой онъ, теперича, островъ попасть можетъ? И сколько, теперича, есть въ нашемъ отечествѣ городовъ, гдѣ ни хлѣба испечь не умѣютъ, ни супу сварить не изъ чего? А ежели кто эту книгу основательно знаетъ, тотъ самъ все сіе и испечетъ и сваритъ, а по времени, быть можетъ, даже и другихъ къ употребленію подлинной пищи приспособитъ!

Въ администраціи онъ былъ философъ, и былъ убѣжденъ, что самая лучшая администрація заключается въ отсутствіи таковой.

— Ежели я живу смиренно и лишняго не выдумываю, внушалъ онъ своему письмоводителю: — то и всѣ прочіе будутъ смиренно жить. Ежели же я буду выдумывать, а тѣмъ паче писать, то непремѣнно что-нибудь выдумаю: либо утѣсненіе, либо просто глупость. А тогда и прочіе начнутъ выдумывать, и выйдетъ у насъ смятеніе, то-есть кавардакъ.

Этого мало: онъ даже полагалъ (и быть можетъ, не безъ основанія), что въ каждой, занумерованной и писанной на бланкѣ бумагѣ непремѣнно заключается чья-нибудь погибель, а потому принялъ себѣ за правило, изъ десяти подаваемыхъ ему къ подпису бумагъ, подписывать только одну.

— Вы ко мнѣ съ бумагами какъ можно рѣже ходите, говорилъ онъ письмоводителю: — потому что я не раззорять приѣхалъ,

а созидать-сь. Погубить человѣка не трудно-сь. Черкнулъ: Помпадуръ 4-й — и нѣтъ его. Только я совсѣмъ не того хочу. Я и самъ хочу быть живъ, и другимъ того же желаю. Чтобъ всѣ были живы: и я, и вы, и прочіе-сь. А ежели вамъ невтерпежъ бумаги писать, то можете для своего удовольствія строчить сколько угодно, я же подписывать не согласенъ.

Иногда, онъ развивалъ свои административныя теоріи очень подробно.

— Всякій, говорилъ онъ:—кого ни спросите, чтò онъ больше любить, будни или праздникъ?—навѣрное отвѣтитъ: праздникъ. Почему-сь? а потому, государь мой, что въ праздникъ начальники бездѣйствуютъ, а слѣдовательно нѣтъ ни бунтовъ, ни соотвѣтствующихъ имъ экзекуцій. Я же хочу, чтобъ у меня всякій день праздникъ былъ, а чтобы будни эти, въ которые бунты бывають, даже изъ памяти у всѣхъ истребились!

Или:

— До сихъ поръ такъ было, что обыватель тогда только считалъ себя благополучнымъ, когда начальникъ находился въ отсутствіи. Сии дни праздновали, и, въ ознаменованіе общей радости, ѣли пироги. Почему, спрашиваю я васъ, все сіе именно такъ происходило? А потому, государь мой, что, съ отъѣздомъ начальника, наставала тишина. Никто не скакалъ, не кричалъ, не слѣшилъ, а слѣдственно и не сквернословилъ-сь. Я же хочу, чтобы на будущее время у меня такъ было: если я даже присутствую, пускай всякій полагаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи!

Но чтò болѣе всего привлекало въ немъ сердца—это административная стыдливость, доходившая до того, что онъ не могъ пропнести слово „сѣчь“, чтобъ не сторѣть при этомъ со стыда.

Когда онъ прибылъ въ городъ, то прежде всего, разумѣется, пожелалъ ознакомиться съ дѣлами. Письмоводитель сразу вынесъ ему цѣлый ворохъ. Но когда онъ развернулъ одно изъ нихъ, то первая, попавшаяся ему на глаза фраза, была слѣдующая:

„... когда же начали ихъ сѣчь...“

Онъ покраснѣлъ, и поспѣшно обратился къ другому дѣлу. Но тамъ также было написано:

„... а потому начали ихъ сѣчь вновь...“

Тогда онъ покраснѣлъ еще больше, и съ этой минуты рѣшился разъ навсегда никакихъ дѣлъ не читать.

— Всѣ дѣла въ такомъ родѣ? застѣнчиво обратился онъ къ письмоводителю.

— Послабленій не допускается-сь.

— Какая, однакожь, печальная необходимость! задумчиво вос-

кликнулъ онъ, и, затѣмъ, почти шопотомъ, продолжалъ:—и часто бываютъ у васъ революціи?

— Одна въ годъ—это какъ калачъ испечь, а то такъ и двѣ, рѣшительно отвѣчалъ письмоводитель.

— Грустно! И затѣмъ это люди дѣлаютъ революціи—не постигаю! не лучше ли жить смирно, аккуратно и быть счастливыми... безъ революцій!

— Осмѣлюсь доложить, это все умники-съ. А глядя на нихъ и дураки заимствуются-съ.

Помпадуръ задумался.

— А знаете ли, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—какая мнѣ вдругъ мысль въ голову пришла?

— Не могу знать-съ.

— Что революцій собственно никакихъ нѣтъ и не бывало-съ?!

Письмоводитель даже глаза выпучилъ: до того неумѣстною показалась ему подобная выходка со стороны человѣка, называющаго себя помпадуромъ.

— Какъ это возможно-съ? бормоталъ онъ:— всѣ кварталные въ одинъ голосъ доносятся-съ!

Но помпадуръ уже не слушалъ возраженій и ходя, въ волненіи, по комнатѣ, убѣжденнымъ голосомъ говорилъ:

— Да-съ; нѣтъ революцій, и не бывало! Вы думаете, что было во Франціи въ 1789 году? революція-съ? Отнюдь-съ! Просто на просто умные люди объ умныхъ предметахъ промежду себя разговоръ хотѣли имѣть, а господамъ французскимъ кварталнымъ показалось, что тутъ какія-то революціи затѣваются-съ!

Эта мысль была для него какъ бы откровеніемъ. Заручившись ею, онъ вдругъ совершенно ясно созналъ все, что дотолѣ лишь смутно мелькало на днѣ его доброй души.

— Да-съ, продолжалъ онъ развивать свой взглядъ:— еслибъ господа кварталные въ то время поостереглись, многихъ бы неприятностей можно было избѣжать! Да и что за радость отыскивать эти революціи—не постигаю! Еслибы даже доподлинно таковыя въ зародышѣ существовали, затѣмъ онныя преждевременно пробуждать и навлекать-съ? Не лучше ли тихимъ манеромъ это дѣло обдѣлать, чтобы оно, такъ-сказать, изморомъ изныло, чѣмъ во всеуслышаніе объявлять: вотъ, молъ, мы каковы! каждый годъ по революціи дѣлаемъ! А ежели ужъ нельзя это паскудство скрыть, то все же предварительно увѣщевать, а не съчь господъ революціонеровъ надлежить!

— Пытали этакъ-то... скептически замѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, вы поймите меня! Я подлинно желаю, чтобы всѣ были живы! Вы говорите: во всемъ виноваты „умники“. Хорошо-съ.

Но ежели мы теперича всѣхъ „умниковъ“ изведемъ, то, какъ вы полагаете, великъ ли мы авантажъ получимъ, ежели съ одними дураками останемся? Вамъ, государь мой, конечно, оно неизвѣстно, но я, по собственному опыту, эту штуку отлично знаю! Однажды, доложу вамъ, въ походѣ мнѣ три дня пришлось глазъ на глазъ съ дуракомъ просидѣть, такъ я чуть рукъ на себя не наложилъ! Такъ-то-съ.

Письмоводитель нѣсколько разъ разѣваль ротъ для возраженій, но тщетно. Онъ ходилъ по комнатѣ и твердилъ свое: „не вѣрю! ничему я этому не вѣрю!“ Наконецъ, остановился и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не только въ революціи, я даже въ чорта не вѣрю! И вотъ по какому случаю. Однажды, будучи въ кадетскомъ корпусѣ, — разумѣется, съ голоду, — пожелалъ я продать чорту душу, чтобы у меня каждый день булокъ въволю было. И что же-съ? вышелъ я ночью во дворъ-съ, и кричу: чортъ! явись! Анъ вмѣсто чорта-то явился вахтеръ, заарестовалъ меня, и я въ то время чуть-чуть не подвергся исключенію-съ. Вотъ оно что-съ, легковѣріе-то къ чему ведетъ!

— Оно точно-съ, отвѣчалъ письменоводитель, но какъ-то вяло какъ-будто ему до смерти хотѣлось спать: — многіе нынче въ чорта не вѣрятъ-съ!

— И знаете ли что еще? продолжалъ онъ, горячася все больше: — всѣ эти розказни объ революціяхъ напоминаютъ мнѣ исторію съ жидомъ, у котораго въ носу свистѣло-съ. Идетъ онъ — это по лѣсу, и весь даже въ поту отъ страха-съ: все — это кажется, что кругомъ разбойники пересвистываются-съ! И только ужъ когда онъ вдоволь надрожался, вдругъ его словно обухомъ по головѣ: а вѣдь это у меня въ носу-съ! и никакихъ разбойниковъ нѣтъ и не бывало! И пошелъ послѣ того веселый, и всю дорогу ихнія жидовскія пѣсни пѣлъ-съ!

И дѣйствительно, какъ ни старались квартальные измѣнить его взглядъ на дѣла внутренней политики, онъ оставался непоколебимъ, и на всѣ предостереженія неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ революцій-съ! нѣтъ, и никогда не бывало-съ!

Мало того: даже арестовалъ квартальнаго Целепелкина, когда тотъ, весь блѣдный и почти ополоумѣвшій отъ страха, прибѣжалъ объявить, что въ сосѣдней роцѣ снигири затѣяли бунтъ.

— Это вы, милостивый государь, бунты затѣваете, сказалъ онъ ему: — а не снигири-съ! Снигирь — птица небольшая и къ ученію склонная-съ — зачѣмъ ей бунтовать? Застрѣлить ее не долго-съ, только кто же тогда въ нашихъ роцахъ свистѣтъ бу-

детъ-съ? Извольте, государь мой, снять сапоги и сѣсть подѣ арестъ-съ!

И что же вышло? Сначала, дѣйствительно обывателямъ казалось нѣсколько страннымъ, что выискался такой помпадуръ, который не вѣрять въ бунты, но мало по малу и они начали осваиваться съ этимъ взглядомъ. Прошелъ годъ, прошелъ другой, снигири свистали и щебетали во всѣхъ рощахъ, а революцій все не было.

— А мы думали, что эта-то самая революція и есть! толковали межъ собой обыватели: — поди-жь ты!

Онъ же, ласковый и простодушный, ходилъ по улицамъ, и не только никого не ловилъ, но, напротивъ того, радовался, что всякій при какомъ-нибудь дѣлѣ находится, а онъ одинъ ничего не дѣлаетъ, и тѣмъ цѣлому городу счастье приносить.

Однакожь была мысль, которая угнетала его, и эта мысль заключалась въ одномъ словѣ: помпадуръ.

Онъ зналъ, что онъ помпадуръ; онъ чувствовалъ это каждую минуту своей жизни, и наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что человѣку не выполнить своего назначенія невозможно.

Впрочемъ, онъ боролся упорно и долго, ибо понималъ, что помпадуръ безъ помпадурши невозможенъ, а о помпадуршахъ онъ былъ мнѣнія очень не лестнаго. Въ безчисленномъ множествѣ помпадуршъ, о которыхъ свидѣтельствуется исторія, онъ не зналъ ни одной, которая довела бы своего помпадура до добра. Въ сознаніи своего помпадурства, онъ, еще будучи въ кадетскомъ корпусѣ, до малѣйшей подробности изучилъ литературу этого вопроса, и убѣдился, что въ концѣ всѣхъ помпадурскихъ предприятий никогда ничего не стояло, кромѣ гибели. И что всего важнѣе, гибель эта была такъ сладка, что помпадуры сами влеклись къ ней, и утопали въ морѣ утѣхъ, ни мало не заботясь о своевременномъ выполненіи получаемыхъ отъ начальства предписаній. Опутанные любовными сѣтями, помпадуры, несомнѣнно бодрые, дѣлались въ самое короткое время неузнаваемыми. Тѣлодвиженія утрачивали развязность, глаза становились тусклыми и неспособными проникать въ сердца подчиненныхъ, языкъ отказывался отъ произнесенія укорительныхъ выраженій; даръ сердцевѣденія пропадалъ совершенно. Вотъ жалкій видъ помпадура, ревностно исполняющаго свое назначеніе! Все это онъ понималъ — и за всѣмъ тѣмъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготеетъ фатумъ, котораго онъ ни предотвратить, ни отдалить не въ силахъ.

Искушенія, которыя преслѣдовали его съ самой минуты приѣзда въ городъ, придавали еще болѣе цѣны его борьбѣ. Еще не успѣлъ онъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ уже стало ясно, что усилія всѣхъ первѣйшихъ въ городѣ дамъ направлены къ тому, чтобъ какъ можно скорѣе пробудить въ немъ инстинктъ помпадурства. Узнавали, какія онъ любитъ плечи, какой ростъ, цвѣтъ волосъ, походку. Нѣкоторыя выхваляли при этомъ добродушіе своихъ мужей и давали понять, что съ этой стороны никакихъ опасеній не можетъ существовать. Но онъ какъ-то загадочно относился ко всѣмъ этимъ заискиваньямъ и обольщеніямъ.

— Всякая походка хороша-съ, ежели ее украшаетъ добродѣтель, отвѣчалъ онъ на ухаживанья, и ежели замѣчалъ, что и затѣмъ какая-нибудь предприимчивая предсѣдательша, или начальница отдѣльной части продолжаетъ дѣйствовать наступательно, то вѣжливо шаркалъ ножкой и уходилъ прочь.

Очевидно, что у него былъ свой планъ, осуществленіе котораго онъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока фатумъ окончательно не пристигнетъ его. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ выполненія помпадурскаго назначенія, устроить это дѣло такъ, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, не сопровождалось пущечною пальбою.

Прежде всего, вниманіе его, разумѣется, остановилось на такъ-называемой благородной интригѣ. Но разсмотрѣвъ этотъ проектъ со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ сознаться, что осуществленіе его сопряжено съ множествомъ такого рода случайностей, которыя положительно могутъ замутить административную ясность его души. Что высокопоставленная помпадурша отличается болѣею нѣжностью и бѣлизною кожи, и вообще смотритъ какъ-то сытѣе, нежели помпадурша изъ низкаго званія — это было для него ясно. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества, а затѣмъ открывался цѣлый рядъ такихъ неудобствъ, которыя не выкупались ни роскошью бюста, ни тонкостью прикрывающаго его батиста. Впервыхъ, всякая высокопоставленная помпадурша, какъ только почувствуетъ силу, тотчасъ же начнетъ либо съ частными приставами перекоряться, либо квартальныхъ со свѣта сживать. А онъ не хотѣлъ, чтобы невольное его помпадурство даже кому бы то ни было служило препятствіемъ при отиравленіи служебныхъ обязанностей. Вовторыхъ, и мужья высокопоставленныхъ помпадуршъ, несмотря на свое добродушіе, современемъ свирѣпѣютъ и даже бьютъ по лицу. Хотя же послѣ побитія и можно оставаться въ городѣ, но все-таки нѣкоторое время бу-

деть не безъ стыда. А онъ былъ до того простъ, что даже ни одной минуты не хотѣлъ стыдиться.

— Удовольствіе отъ этихъ кружевницъ все то же-съ, только крику больше, отвѣчалъ онъ услужливымъ людямъ, соблазнявшимъ его картиною помпадурши, утопающей въ батистѣ и кружевахъ. Затѣмъ онъ уже не возвращался болѣе къ этому плану.

Надлежало съискать другую комбинацію, и онъ дѣятельно занялся этимъ. Самою лучшею казалась, конечно, такая, при которой мягкое тѣло соединялось бы съ простодушіемъ. Эта комбинація обезпечивала бы дѣла, сопряженныя съ казеннымъ интересомъ, отъ наплыва помпадурства, и въ то же время удовлетворяла бы тѣмъ цѣлямъ, которыя сопряжены съ званіемъ помпадура. Счастливое соединеніе этихъ качествъ можно было найти или въ средѣ уштаннаго и взлелѣяннаго пуховиками купечества, или въ средѣ мѣщанства, занимающагося содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, харчевенъ и кабаковъ. Но тутъ тоже встрѣчались серьезные препятствія, которыя невозможно было пройти безъ вниманія. Вопервыхъ, онъ предвидѣлъ, что мѣстная аристократія никакъ не проститъ ему связи съ мѣщанкой. Вотвторыхъ, онъ задумывался и надъ тѣмъ, какъ посмотритъ на подобную связь начальство. Конечно, съ точки зрѣнія государственной, лучше, если помпадуръ выбираетъ себѣ помпадуршу изъ низкаго званія, ибо это содѣйствуетъ сліянію сословій. Но не всякій начальникъ способенъ возвыситься до государственной точки зрѣнія, бѣлая же часть дѣйствуетъ просто, безъ высшихъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какая система помпадурства, батистовая или затрапезная, господствуетъ въ данную минуту.

Однимъ словомъ, какъ онъ ни углублялся, ни взвѣшивалъ, все было мракъ и сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Ни уставовъ, ни регламентовъ—ничего. Одно оставалось по прежнему яснымъ и несомнѣннымъ: что онъ помпадуръ, и что не помпадурствовать ему невозможно.

А судьба уже бодрствовала за него, и на сей разъ бодрствовала совершенно правильно, ибо помогала добродѣтельнѣйшему изъ всѣхъ помпадуровъ въ мірѣ выйти съ честью изъ затрудненія.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное и наивное, какъ исторія его сближенія съ нею.

Шелъ онъ однажды по городу, и по обыкновенію никого не ловилъ. И вдругъ видитъ: стоитъ у дверей кабака баба и грызетъ подсолнухи. Баба была, какъ всѣ вообще бабы, выросшія въ холѣ подъ сѣнію постоялаго двора или за прилавкомъ кабака: широкая, толстомысая, большеглазая, съ круглымъ лицомъ и

такъ-называемыми сахарными грудями. Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что если эту бабу въ хорошія руки, она вся сдѣлается сахарная. Но такъ-какъ дѣло было днемъ, то сейчасъ преступить онъ не рѣшился, а только посеменилъ ножками, чтобъ дать бабѣ понять.

По наступленіи вечера, онъ снова пошелъ по тому же направленію и увидѣлъ, что баба опять стоитъ у дверей, очевидно, уже не случайно. Она была примыта, приглажена, скалила зубы и не безъ лукавства смотрѣла на него своими выпученными глазами.

— Сахарная будетъ! молвилъ онъ про себя, и подойдя къ бабѣ, спросилъ отрывисто:—вы чьихъ-съ?

— Была мужняя, теперь вдова стала, отвѣтила она, заалѣвшися.

— Кабакъ вашъ-съ?

— Съ батюшкой хозяйствуемъ.

— Меня знаете-съ?

— Своихъ начальниковъ, да не знать? довольно извѣстны!

Онъ нѣкоторое время стоялъ и видимо хотѣлъ что-то сказать; быть можетъ, онъ даже думалъ предложить ей раздѣлить съ нимъ бремя власти. Но вмѣсто того, только разѣвалъ ротъ и тянулся корпусомъ впередъ. Она тоже молчала, и повернувъ въ сторону рдѣющее лицо, потихоньку смѣялась. Вдругъ онъ взглянулъ впередъ, и увидѣлъ, что изъ-за угла сосѣдняго дома высовывается голова частнаго пристава и съ любопытствомъ слѣдитъ за его движеніями. Какъ ужаленный, онъ круто повернулъ налѣво кругомъ и быстрыми шагами сталъ удаляться назадъ.

Цѣлый тотъ вечеръ онъ тосковалъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя помпадуромъ. Чтобы разсвѣять себя, пѣлъ сигналы, повторялъ одиночное ученіе, но и это не помогло. Наконецъ, усѣлся у окна противъ мѣсяца и началъ млѣть. Но въ эту минуту явился частный приставъ и разрушилъ очарованіе, доложивъ, что пойманъ съ поличнымъ мошенникъ. Надо было видѣть, какъ онъ вскипѣлъ противъ этого ретиваго чиновника, уже двукратно нарушившаго млѣніе души его.

— Восца у васъ, милостивый государь! кричалъ онъ:—сколько разъ говорено вамъ: оставьте! Оставьте, милостивый государь, русскимъ языкомъ повторяю я вамъ!

Но по уходѣ пристава, тоска обуяла еще пуще. Цѣлую ночь метался онъ въ огнѣ, и ежели забывался на короткое время, то для того только, чтобъ и во снѣ увидѣть, что онъ помпадуръ. Наконецъ, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ бессонницей, онъ покинулъ одинокое ложе и принялся за чтеніе „Робинзона Крузо“. Но и тутъ его тотчасъ же поразила мысль: что было бы

съ нимъ, еслибъ онъ, вмѣсто Робинзона, очутился на необитаемомъ островѣ? Какимъ образомъ исполнилъ бы онъ свое назначеніе?

Ни спать, ни читать не представлялось никакой возможности...

— Сахарная! вскричалъ онъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи, и тотчасъ же собрался бѣжать.

Было раннее утро; заря едва занялась; городъ спалъ; пустынные улицы смотрѣли мертво. Ни единого звука, кромѣ нерѣшительнаго чириканья кое-гдѣ просыпающихся воробьевъ; ни единого живаго существа, кромѣ боязливо озирающихся котовъ, возвращающихся по домамъ послѣ ночныхъ походовъ (какъ онъ завидовалъ имъ)! Даже собаки — и тѣ спали у воротъ, свернувшись калачикомъ и вздрагивая подъ вліяніемъ утренняго холода. Надъ городомъ висѣлъ туманъ; тротуары были влажны; деревья въ садахъ заснули, словно повитыя волшебной дремой.

Онъ шелъ, и чувствовалъ, что онъ помпадуръ. Это чувство ласкало, нѣжило, манило его. Ни письмоводителя, ни квартальнаго, ни приставовъ — ничего не существовало для него въ эту минуту. Несмотря на утренній полусумракъ, воздухъ казался проникнутымъ лучами; несмотря на глубокое безмолвіе, природа казалась изнемогающею подъ бременемъ какого-то кипучаго и нетерпѣливо-просящагося наружу ликованія. Онъ зналъ, что онъ помпадуръ, и зналъ куда и зачѣмъ онъ идетъ. Грудь его саднило, блаженство катилось по всѣмъ его жиламъ.

И вдругъ его обожгло. Изъ-за перваго же угла, словно изъ-подъ земли выросъ квартальный, и, гордый сознаниемъ исполненнаго долга, дѣлалъ рукою подъ козырекъ. Въ испугѣ, онъ взглянулъ впередъ: тамъ, въ перспективѣ виднѣлся цѣлый лѣсъ квартальныхъ, которые, казалось, только и ждали момента, чтобъ вытянуться и сдѣлать подъ козырекъ. Онъ понялъ, что и на сей разъ его назначеніе, какъ помпадура, не будетъ выполнено.

На другой день, онъ собралъ квартальныхъ и сказалъ имъ:

— Я желаю, господа, чтобъ вы не беспокоили себя по ночамъ.

Но квартальные не поняли, и гаркали, что они всѣ сплы-мѣры; что имъ не въ тягость, а въ сладость и т. п.

— Я желаю, господа, чтобъ вы не беспокоили себя по ночамъ! все еще кротко, но уже вразумительнѣе повторилъ онъ.

Но квартальные продолжали гаркать. Тогда онъ понялъ, что тутъ существуетъ недоразумѣніе, и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Русскимъ языкомъ вамъ, прохвосты, говорю: не смѣть меня подстерегать по ночамъ!

Квартальные поняли.

Благодаря этой мѣрѣ, они свидѣлись. Озираясь и крадучись, пробрался онъ на зарѣ въ Развѣзжую слободку, гдѣ стоялъ ея домикъ. Квартальные притворились спящими. Будочники, завидѣвъ его приближеніе, исчезали въ подворотни сосѣднихъ домовъ. Она стояла у открытаго окна... она! Широкая, дородная, бѣлая, вся сахарная! Она ждала.

— Вы-съ? спросилъ онъ полу-дерзновеннымъ, полу-испуганнымъ голосомъ.

Стыдась, она закрыла лицо рукавомъ, но слышно было, какъ уста ея шептали: „ахъ! великія наши согрѣшенія!“.

— Желаете ли вы, сударыня, жить со мною внѣ онаго, но все равно какъ бы въ оному? спросилъ онъ ее твердымъ голосомъ.

Она слегка дрогнула, но все еще перемогала себя.

— Слушай-ко, сказала она, не то кокетничая, не то маскируя свое смущеніе: — я вамъ лучше загадку загаду. *Взяну я въ окошко, стоитъ ртуть мукошко* — что, по вашему, будетъ?

— Рѣпа-съ! отвѣчалъ онъ, и даже хихикнулъ отъ переполнявшаго его умиленія.

— Анъ звѣзды!

— Звѣзды-съ? изумился онъ.

Послѣдовала минута молчанія; оба тяжело и прерывисто дышали, а онъ даже чуть-чуть сопѣлъ. Она первая прервала томительное безмолвіе.

— Вѣдь ты, поди, для лакомства? сказала она чуть слышно. Онъ замычалъ.

— Ежели для одного лакомства будешь любить, продолжала она: — и въ томъ я вамъ запрещаю! Извольте безъ труда оставить!

Онъ замычалъ вторично.

— И что ты во мнѣ, въ бабѣ, лестнаго для себя нашель! вдругъ вскрикнула она, простирая руки...

.

Она сама не знала, за что онъ ее полюбилъ.

— За что ты меня любишь! говаривала она ему: — что ты во мнѣ, бабѣ, лестнаго для себя нашель? Нѣ я по французскому, нѣ принять, нѣ поговорить! Вотъ, развѣ тѣло у меня бѣлое...

— За тѣло-сь, и за простоту-сь, отвѣчалъ онъ, спѣша успокоить ся сомнѣнія.

И точно: простоты она была необыкновенной. Даже квартальнымъ — и тѣмъ жаловалась.

— За что онъ меня полюбилъ! Жила я, баба заугольная, въ сору да въ навозѣ копалась — анъ нѣтъ! и тутъ онъ до меня проникъ! и тутъ меня, простую бабу, сыскалъ!

Квартальные почтительно вздрагивали и отвѣчали:

— За простоту-сь. Сами они ужь очень просты. Такъ просты! такъ просты!

Насталъ какой-то волшебный рай, въ которомъ царствовало безмѣрное и безпримѣсное блаженство. Прежде, онъ нерѣдко бывалъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ, но теперь и эту болѣзнь какъ рукой сняло. Вся фигура его приняла бодрый и дѣятельный видъ, совершенно впрочемъ лишенный характера суетливости, а выражавшій одно внутреннее довольство. Когда онъ шелъ по улицѣ, привѣтливый взглядъ его, казалось, каждому говорилъ: живи! И каждый жилъ, ибо зналъ, что начальствомъ ему во истину жить дозволено.

День проходилъ такъ быстро, что иногда онъ ропталъ, зачѣмъ сутки заключаютъ въ себѣ только двадцать-четыре часа. Утромъ, вставши рано, онъ отправлялся въ Разъѣзжую слободку и уже дорогой начиналъ млѣть. Домикъ, служившій цѣлью его посѣщеній, принялъ веселый и чистенькій видъ. Кабака не осталось и слѣдовъ; стѣны были обиты тесомъ и выкрашены свѣтло-сѣрою краскою; на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски и стояли горшки съ незатѣйливыми растеніями. Внутри все было тоже выскоблено, вычищено и вымыто. Ни мухи, ни таракана; прохлада и тишина. Только съ другой половины, изъ стряпущей, доносился стукъ ножей и звуканіе ухватовъ и сковородъ, но это только усугубляло очарованіе. Запахъ мяты и липоваго цвѣта былъ господствующимъ; къ нему, повременамъ, когда отворялась дверь, примѣшивался запахъ жареныхъ пироговъ, но и онъ не омрачалъ картины блаженства, но прибавлялъ ей еще больше цѣны. Даже куры, которыя кудахтали на дворѣ, и тѣ, казалось, не спроста кудахтали, а во свидѣтельство полного исполненія желаній.

Вся раскраснѣвшаяся отъ стряпни, она выбѣгала къ нему на встрѣчу, и онъ не находилъ ни въ этой краснотѣ, ни въ капляхъ пота, выступавшихъ на лицѣ ея, ничего противнаго законамъ изищнаго. Онъ зналъ, что она обливалась потомъ и выбивалась изъ силъ единственно ради него. По приходѣ его, она презъ-

де всего начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любить; онъ же съ своей стороны кротко и обстоятельно объяснялъ ей причину, и въ этомъ несложномъ разговорѣ мгновенія летѣли за мгновеніями; затѣмъ, она начинала обнаруживать беспокойство, и какимъ-то просительнымъ голосомъ спрашивала:

— Пирожка хочешь?

— А съ чѣмъ у васъ нынче пироги? въ свою очередь спрашивалъ онъ, дѣлая видъ, какъ будто не всякая же начинка, приготовленная ея руками, можетъ быть ему ко вкусу.

— Съ легкимъ нынче; капустки искали, да не нашли...

— Что-жь, и съ легкимъ хорошо... можно!

Появлялась цѣлая сковорода шипящихъ пироговъ, которые исчезали одинъ за другимъ, а мгновенія летѣли себѣ да летѣли. Потомъ она принималась опять допытываться, за что онъ ее, бабу, любить, и опять летѣли мгновенія. Иногда, къ бесѣдѣ присоединялся старикъ отецъ ея, но отъ него большой пользы не было, потому что, какъ только закрыли его кабакъ, онъ тотчасъ же отъ горести ослѣпъ и оглохъ.

Тѣмъ не мѣнѣе, „слѣпенькій батюшка“ все еще жаждалъ дѣятельности и, пользуясь ея оффиціознымъ положеніемъ, непрерывно къ ней приставалъ. Однажды, она даже попробовала завести объ этомъ предметѣ разговоръ съ *нимъ*.

— Хоть бы ты въ базарные смотрители его произвелъ, сказала она:—а то онъ совсѣмъ отъ ѣды отбился—все ѣсть!

— Не просите-съ, сказалъ онъ твердо:—ибо я для того собственно съ вами и знакомство свелъ, дабы казенный интересъ соблюсти! Какой онъ смотритель-съ! Онъ сейчасъ же первымъ дѣломъ всю провизію съ базара къ себѣ притащить-съ! Послѣдствіемъ же сего явятся недоимщени-съ. Станутъ говорить: оттого мы податей не платимъ, что помпадуршинъ отецъ имѣніе наше грабить. Въ какомъ я тогда положеніи буду? Недоимщиковъ сѣчь—неправильно-съ; родители вашего казнить—пріятно ли для васъ будетъ?

— Голубчикъ! да вѣдь онъ слѣпенькій! куда ему за провизіей гнаться! ему бы хоть жалованье-то получать!

— Это ничего, что слѣпенькій: услышитъ, чѣмъ пахнетъ—прозритъ-съ! А хоть бы и насчетъ жалованья—вы думаете, жалованье-то, оно съ неба падаетъ-съ?

— Ну его!

— Нѣтъ-съ, оно не съ неба-съ, а все съ тѣхъ же сходитъ, которые вотъ поросятами, да индейками насъ кормятъ-съ! Я это, въ кадетскомъ корпусѣ обучаясь, очень твердо узналъ-съ!

Но размовки подобнаго рода происходили рѣдко, и тотчасъ же прекращались, ибо какъ только онъ начиналъ обнаруживать величіе души, она перемѣняла разговоръ и начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ. Тогда начиналось подробное разсмотрѣніе этого новаго вопроса, и всѣ недоумѣнія прекращались сами собою.

Среди отдохновеній, онъ нерѣдко вступалъ съ нею и въ административные разговоры, всегда въ полной увѣренности, что воззрѣнія ея вполне соотвѣтствуютъ его собственнымъ воззрѣніямъ.

— Вчера ко мнѣ вора привели, говорилъ онъ:—да я его отпустилъ-съ.

— И Христосъ съ нимъ! отвѣчала она.

— Я такъ на этотъ счетъ разсуждаю, что все это они дѣлаютъ съ голоду-съ!

— А то съ чего же! Безъ нужды да воровать! Тутъ стыда одного не оберешься! Я вотъ давно ужъ хочу тебя спросить: отчего это между благородными меньше этого воровства, нежели, напримѣръ, между нашимъ братомъ, простымъ народомъ?

— Оттого, что у благороднаго болѣе благородныхъ чувствъ. Стыдится-съ. А тоже и между благородными бываетъ воровство, только, по обширности своей, не имѣетъ презрительнаго вида. Все больше, по благородству, крупными кушамы-съ. Казну, напримѣръ, обремизить, либо въ общепольное учрежденіе любопытствующихъ увлечь-съ. И онъ при деньгахъ-съ, и для любопытствующихъ не такъ замѣтно-съ.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе! вздыхала она.

— Да-съ; я насчетъ этого еще въ кадетскомъ корпусѣ такую мысль получилъ: кто хочетъ по совѣсти жить, тотъ долженъ такъ это дѣло устроить, чтобъ не было даже надобности воровать! И тогда все будетъ въ порядкѣ: и квартальнымъ будетъ легко, и сѣчь не за что, и обыватели почувствуютъ себя въ безопасности-съ!

— Голубчикъ ты мой! говорила она, смотря ему съ умиле-ніемъ въ глаза.

— Да-съ, я давно ужъ такъ думаю, и надѣюсь, что успія мои не останутся безплодными. Главное въ этомъ дѣлѣ — имѣть въ виду, что воръ есть человѣкъ, и что ничто человѣческое ему не чуждо! Я самъ однажды такимъ манеромъ въ кадетскомъ корпусѣ булку у товарища уворовалъ... что же-съ!

— И за что ты меня, простую бабу, полюбилъ!

Этимъ восклицаніемъ окончательно заключалось утреннее от-

дохновеніе. Онъ припоминалъ, что его ждуть „дѣла“, и съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ на улицу.

Дѣятельность обывателей, управлявшихся около домовъ своихъ, веселила его. Всякое выраженіе лица казалось ему дозволеннымъ и законнымъ. Когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, имѣющимъ угрюмый видъ, онъ не наскакивалъ на него съ восклицаніемъ: „что волкомъ-то смотришь!“ — но думалъ про себя: „вотъ человѣкъ, у котораго, должно быть, на сердцѣ большое горе лежитъ!“ Когда слышалъ, что обыватель предается звонкому и раскатистому смѣху, то также не обращался къ нему съ вопросомъ: „чего, каналья, пасть-то разинулъ,“ — но думалъ: „вотъ милый человѣкъ, съ которымъ и я охотно бы посмѣялся, еслибы не былъ помпадуромъ!“. Результатомъ такого образа дѣйствій было то, что обыватели начали смѣяться и плакать по своему усмотрѣнію, отнюдь не опасаясь, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ было усмотрѣно что-либо похожее на непризнаніе властей.

Онъ любилъ, чтобы квартальные были дѣятельны, но требовалъ, чтобы дѣятельность эта доказывала только отсутствіе бездѣятельности. Когда онъ видѣлъ, что квартальный вдругъ куда-то поспѣшно побѣжить, потомъ остановится, понюхаетъ и, ничего не предпринявъ, тотчасъ же опять побѣжить назадъ — сердце его наполнялось радостью. Но и за всѣмъ тѣмъ, не проходило минуты, чтобы онъ не кричалъ имъ вслѣдъ:

— Тише! тише! не заѣзжайте!

Сначала, квартальнымъ было трудно воздерживаться отъ заѣзжаній, ибо они были убѣждены, что заѣзжаніе представляетъ своего рода упрощеніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; но такъ-какъ они были легковѣрны (исключительно, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ), то ему не стоило почти никакого труда увѣрить ихъ, что „незаѣзжаніе“ составляетъ форму дѣлопроизводства еще болѣе упрощенную, нежели даже „заѣзжаніе“.

— Исторія, господа, никогда не останавливается, но непрерывно идетъ впередъ, сказалъ онъ имъ. — Сначала, люди жили въ дикости и не имѣли никакого твердаго дѣлопроизводства, а потому каждый заѣзжалъ каждому, по мѣрѣ возможности. Потомъ, это бросили, ибо исторія прослѣдовала впередъ-съ. Явились подъячіе, стригулисты, кляузники, которые, отмѣнивъ заѣзжанія, стали явить посредствомъ проторей и убытковъ. Но для многихъ и это было неудобно, ибо время проходило въ волокитѣ, а притомъ же и исторія вновь прослѣдовала впередъ-съ. Тогда, опять прибѣгли къ „заѣзжанію“, какъ къ формѣ, оставляющей для заѣзжаемыхъ наиболѣе досуга, но такъ-какъ общество постепенно разраста-

лось, то представилась необходимость раздѣлить его членовъ на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ. Такъ ли я, господа, говорю?

— Такъ точно-съ! истинная правда-съ! кричали въ отвѣтъ квартальные, причемъ нѣкоторые, однакожь, вздыхали.

— Ну-съ, а теперь я вамъ объясню, почему и эта послѣдняя форма дѣлопроизводства оказывается нынѣ уже неудовлетворительною. Когда вы заѣзжали, милостивые государи, вамъ казалось, что вы совершали судъ скорый,—это такъ. Но все же вы тратили на это не мало времени, и кромѣ того испытывали не удовольствіе при видѣ побитыхъ носовъ. Затѣмъ, вы горячились, выходили изъ себя и мало по малу истощали свое здоровье. Я зналъ многихъ курьеровъ, которые буквально усѣяли дороги ямщичьими зубами, но какую радость они отъ сего получили, и какихъ всходовъ отъ этого посѣва ожидали,—это до сихъ поръ не открыто. Попробуйте теперича не заѣзжать совсѣмъ, и вы увидите, что свободнаго времени останется у васъ еще больше, жалованье вы будете получать все то же, обыватель же немедленно пріобрѣтетъ сытый видъ, и слѣдственно также получить средство удѣлять по силѣ возможности. И вы, и обыватели—всѣ будутъ въ выгодѣ-съ!

И дѣйствительно, предсказаніе это исполнилось съ буквальною точностью: не только обыватели, но сами квартальные пріобрѣли сытый видъ, и впоследствии даже удивлялись, какъ имъ не приходила въ голову столь простая и ясная мысль, что лучший способъ для пріобрѣтенія сытаго вида заключается именно въ воздержаніи отъ заѣзжаній. Какъ только это средство допущено, жиръ самъ собою мало по малу нагуливается, нагуливается, покуда наконецъ не сформируется совершенно лоснящійся отъ сытости человѣкъ.

Среди этихъ хлопотъ, не забывая о своемъ письмоводителѣ, особливо ежели послѣдній черезчуръ ужъ приставалъ къ нему съ заготовленными проектами донесеній и отношеній.

— Доселѣ я подписывалъ изъ десяти бумагъ одну, говорилъ онъ ему: — теперь же рѣшился такъ: не подписывать ни одной. Пускай всѣ объ нашемъ городѣ позабудутъ-съ — только тогда мы вполне благополучно почивать будемъ-съ!

И видя выраженіе унынія на лицѣ письмоводителя, прибавлялъ:

— А жалованье вы будете получать по прежнему-съ!

Такимъ образомъ, наступало время обѣда, когда онъ обыкновенно возвращался домой. Къ обѣду приглашался письмоводитель и тотъ изъ квартальныхъ, который, на основаніи достовѣрныхъ

фактовъ, могъ доказать, что онъ въ теченіе всего предшествующаго дня, подлинно никого не обидѣлъ и никому не заѣзжалъ. Пища подавалась жирная и сдобная, и онъ ѣлъ охотно, но вина остерегался и пилъ только квасъ.

— Вино такая вещь, господа, говорилъ онъ: — что мало выпить его невозможно, а много выпьешь — еще больше захочется. А выпивши — особливо если кто въ помпадурскомъ званіи состоитъ — непременно кого-нибудь обидишь. А потому, я не пью, хотя другимъ препятствовать не желаю: пусть кушаютъ на здоровье!

Послѣ обѣда, по краткомъ отдохновеніи, онъ отправлялся въ рощу и слушалъ щебечущихъ снигирей. Онъ не только не боялся ихъ, но всячески старался приручить. И точно: какъ только онъ появлялся въ рощѣ, они стаями слетались къ нему, садились на плечи и на голову, и клевали изъ рукъ моченый бѣлый хлѣбъ.

— Ахъ вы, бунтовщики мои! говорилъ онъ какъ-то жалостливо: — между собой-то вы, милые, мирно живите!

Затѣмъ опять возвращался въ городъ, повторяя по пути квартальнымъ:

— Тише! тише! не заѣзжайте!

Наступалъ вечеръ; на землю спускались сумерки; въ домахъ зажигались огни. Выслушавъ перечень добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе дня квартальными надзирателями, онъ отправлялся въ клубъ, гдѣ приглашалъ предводителя идти съ нимъ вмѣстѣ по стезѣ добродѣтели. Предводитель подавался туго, но такъ-какъ поставленные ему на видъ выгоды были до того ясны, что могли убѣдить даже малаго ребенка, то и онъ, наконецъ, уступилъ.

— Вы возьмите, какая это пріятность! говорилъ онъ: — ежели вы теперича мужичку рубль простите, онъ, навѣрное, вамъ на три рубля сработаетъ, да кромѣ того, любовь свою задаромъ вамъ подарить!

— Это что говорить! колебался предводитель: — благодарности этой въ нихъ пропасть; это вѣрно!

— А тамъ, смотришь, шдюшечка-съ, курочка-съ, яичекъ десяточекъ, самъ не съѣсть—все вамъ-съ! все вамъ-съ!

— Это такъ! повторялъ предводитель уже утвердительно, и тотчасъ же шелъ на базаръ и давалъ мужику рубль. Но такъ-какъ онъ былъ даже простодушнѣе самого помпадура, то тутъ же прибавлялъ:—ты смотри! я тебѣ рубль подарилъ, а ты мнѣ на три сработай, да сверхъ того люби!

Однимъ словомъ, не только между купцами и мѣщанами, но даже въ клубѣ съумѣлъ онъ поселить миръ и любовь, и притомъ безъ всякихъ мѣръ строгости, съ помощію одного неизрѣченнаго своего простодушія.

Позднѣе, когда городъ уже стихалъ совершенно, онъ вновь отправлялся въ Развѣзжую слободку; но такъ-какъ кварталные спали во истину, то никто не слышалъ, какъ изъ открытаго окна веселенькаго домпка вылетало восклицаніе:

— И за что ты меня, бабу, любишь?...

Дни проходили за днями; городъ былъ забытъ. Начальство, не получая ни жалобъ, ни рапортовъ, ни вопросовъ, сначала заключило, что въ городѣ все обстоитъ благополучно, но потомъ мало-по-малу совершенно выпустило его изъ вида, такъ что даже не помѣстило въ списокъ населенныхъ мѣстъ, доставляемыхъ въ академію наукъ для календаря. И вотъ почему, этого города, даже до настоящей минуты, не находится ни въ календарѣ, ни на географическихъ картахъ, а имѣетъ онъ быть восстановленъ въ своихъ правахъ лишь по republication настоящаго разсказа.

Помпадуръ торжествовалъ, помпадурша сдѣлалась поперегъ себя шире, но все еще не утратила плѣнительности. Въ теченіе десяти лѣтъ не случилось ни одного воровства, ни одного возстанія; снигири постепенно старились и плодили другихъ снигирей, но и эти, подобно родителямъ, порхали лишь съ вѣтки на вѣтку, услаждая обывательскій слухъ своимъ щебетаніемъ, и отнюдь не думая о революціяхъ; обыватели отъѣлись, кварталные отъѣлись, предводитель просто задыхался отъ жира. Одно было у всѣхъ на умѣ: заживо поставить помпадуру монументъ.

И вдругъ, все это блаженство рушилось въ одну минуту, благодаря ничтожнѣйшему обстоятельству.

Помпадуръ совершилъ не все. Онъ позабылъ отвести отъ города пролегавшій черезъ него проѣзжій трактъ.

Въ одно прекрасное утро, на стогнахъ города показался легкомысленнаго вида человѣкъ, который, со стеклышкомъ въ глазу, гулялъ по городу, заходилъ въ лавки, нюхалъ, прицѣплялся, разспрашивалъ. Хотя основательные купцы на всѣ его вопросы давали одинъ отвѣтъ: „проваливай!“ но такъ-такъ онъ и затѣмъ не унимался, то сочтено было за нужное предупредить объ этомъ странномъ обстоятельствѣ кварталныхъ. Квартальные, въ свою очередь, бросились къ градоначальнику.

— Открыли-съ! насъ открыли! кричали они впопыхахъ.

Онъ поблѣднѣлъ, однакоже не потерялъ надежды спасти дѣло рукъ своихъ. Поспѣшно надѣлъ онъ на себя мундиръ, прицѣпилъ шагу и отправился на базаръ отыскивать напугавшаго всѣхъ незнакомца.

— Кто вы таковы-съ? и неугодно ли пожаловать мнѣ вашу видѣ? спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Незнакомецъ молча подалъ свою подорожную. Въ подорожной значилось: „NN, экспертъ отъ наукъ, отправляется по Россіи для изслѣдованія богатствъ, скрывающихся въ нѣдрахъ земли“.

— Странно, что вашего города даже на географическихъ картахъ не значител! замѣтилъ экспертъ отъ наукъ, пока онъ разсматривалъ подорожную.

— Ничего страшнаго нѣтъ-съ! Сей городъ, до настоящей минуты, былъ самъ по себѣ столько благополученъ, что не было даже надобности ему объ себѣ объявлять-съ! отвѣчалъ онъ съ горечью и затѣмъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Разъѣзжей слободѣ.

Проншествіе это въ свое время надѣлало очень много шума въ губерніи, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ утерять изъ вида цѣлый городъ съ самостоятельной цивилизаціей и съ громадными богатствами въ нѣдрахъ земли — дѣло не шуточное. Прислана была слѣдственная коммисія, которая горячо принялась за дѣло и прежде всего изумилась крайнему изобилію совершенно сытыхъ и, притомъ, ручныхъ снигирей. Долго она старалась проникнуть въ тайну этого изобилія, но не добилаь никакого другаго результата, кромѣ того, который заранѣе былъ формулированъ самимъ помпадуромъ, а именно, что снигирь есть птица скромная и къ ученію склонная.

Другіе результаты, обнаруженные изслѣдованіемъ, были еще поразительнѣе. Оказалось:

1) что въ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, не произошло ни одной революціи, тогда какъ до того времени, не проходило ни одного года безъ возмущенія;

2) что вирожденіе того же времени, не было ни одного случая воровства;

3) что квартальные надзиратели сыты;

4) что обыватели сыты;

5) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обыватели обнаружили склонность къ сооруженію монументовъ;

6) что слухъ о богатствахъ, скрывающихся якобы въ нѣдрахъ земли, есть не болѣе, какъ выдумка, пуценная экспертомъ отъ

наукъ въ видахъ легчайшаго полученія изъ казны прогонныхъ денегъ; въ городѣ же никто изъ жителей никакимъ укрывательствомъ нѣкогда не занимался;

7) что всѣмъ симъ городъ обязанъ своему градоначальнику, штабсъ-капитану Помпадуру 4-му.

Разсмотрѣвши дѣло, и убѣдившись въ справедливости всего вышеизложеннаго, начальство не только не отрѣшило добраго помпадура отъ должности, но даже опубликовало его поступки, и поставило ихъ въ примѣръ прочимъ. „Да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому“, сказано было въ изданномъ по сему случаю документѣ, „что лучше одного помпадура добраго, нежели семь тысячъ злыхъ имѣть, на основаніи того общезвѣстнаго правила, что даже малая рыба все-таки лучше, нежели большой тараканъ“.

Что же касается собственно до города, то ему немедленно присланъ былъ отъ казенной палаты окладной листъ.

Н. Щедринъ.